

Б. И. Каракулов (Глазов)

К истории формирования удмуртского литературного языка

Отечественное языкознание в 60–70-е годы уже дало чёткое определение, что понимать под термином “литературный язык”; сопоставив разного рода языки, объединило их в типовые схемы, вывело общие закономерности формирования и развития литературных языков, разработало теорию литературных языков.

Однако в русской лингвистике, на которую опиралось в своем развитии удмуртское языкознание, несколько расплывчато определялся литературный язык в работах 30–50-х годов, когда возник интерес к изучению истории литературных языков. Подобное наблюдалось и в удмуртской лингвистике. Более того, до последнего времени здесь прослеживается заметное отставание от исследований по другим литературным языкам. А в подчинённых идеологии статьях об удмуртских письменных памятниках давался классовый анализ, выводился ненаучный тезис об отсутствии дореволюционных письменных памятников и дореволюционной удмуртской письменности, тем самым удмуртский язык причислялся к младописьменным языкам. Суждение о том, что формирование удмуртского литературного языка начинается с победой Октябрьской революции, сегодня можно найти ещё во многих авторитетных изданиях, научных статьях, учебниках (см., напр., Конюхова, Яшина 1977: 172–173).

Благодаря исследованию памятников удмуртской письменности в последние десятилетия выявлено до 391 наименования различного жанра, созданного в дореволюционный период (Каракулов 1994: 12), хотя, следует подчеркнуть, наши представления об объёме дореволюционной удмуртской литературы, о языке тех памятников остаются далеко не полными. Но уже в конце 60-х годов нашего столетия в какой-то степени был опровергнут тезис об отсутствии дореволюционной удмуртской письменности, и удмуртский язык был признан старописьменным языком с небольшой до-

революционной литературой (Лыткин 1968: 241; Вахрушев 1976: 4).

Проблеме формирования удмуртского литературного языка ряд своих статей посвятил В. М. Вахрушев. Другие же удмуртские лингвисты, специально не занимавшиеся этим, соглашаются с его выводами. Считаем уместным привести одно из положений, к которому приходит автор в одной из последних своих статей: “Донациональный удмуртский язык в дореволюционных условиях не успел сформироваться как литературный, несмотря на наличие письменности и выработки отдельных наддиалектных норм письма. Окончательное формирование литературного удмуртского языка начинается в предреволюционные годы и завершается в советских условиях. Термин “дореволюционный удмуртский литературный язык” только частично отражает сложное и многогранное понятие литературного удмуртского языка. Он ещё не включает полностью такие признаки его, как общенародность и общенормированность, тем более общепринятый язык устного общения. Поэтому о дореволюционном этапе развития удмуртского литературного языка было бы уместнее говорить как о книжно-письменном удмуртском языке, развивающемся на различных диалектных началах с постепенной выработкой наддиалектных норм. Термином “удмуртский литературный язык” в полном смысле этого слова мы вправе оперировать только уже в условиях его советского развития, когда действительно он формируется в связи с формированием удмуртской социалистической нации как единый литературный язык” (Вахрушев 1976а: 39).

Нам представляется, что вопрос об “окончательном” формировании литературного языка, требование общенародности, общенормированности, общепринятости языка ставятся теми, кто не принимает в расчёт то, что литературный язык – категория историческая. Только соблюдением исторического принципа можно достичь создания подлинной картины истории удмуртского литературного языка. Литературный язык, как и язык вообще, находится в постоянном развитии. Удмуртскому литературно-письменному языку на его начальном периоде нельзя механически предъявлять те требования, с которыми мы подходим в оценке современного состояния удмуртского литературного языка, также критерии одних литературных языков не совсем подходят для других. Эти при-

знаки различают литературные языки мира и по охвату сфер общения, и по характеру и уровню нормализационных процессов, и по степени обособления от обиходно-разговорных форм. Например, таким литературным языкам, как английский, русский, французский, обладающим максимальной поливалентностью, противопоставляются литературные языки с функциональными ограничениями: классический арабский, древнегрузинский и т. д., существующие только в письменной форме, древнерусский литературный язык, западно-европейские средневековые литературные языки, имевшие, кроме того, конкурента в чужом литературном языке, греческий литературный язык эпохи Гомера, выступавший только в устной разновидности и т. д. Многие языки в эпоху феодального строя обслуживают узкий круг людей, тем не менее в силу тех или иных признаков их причисляют к литературным языкам.

Церковнославянский язык, “нормы которого определялись не столько нормативными грамматическими описаниями (описания такого рода появляются вообще поздно), сколько наличием, так сказать, образцовых текстов св. Писания и богослужебных книг, которые в той или иной степени заучивались наизусть”, также признаётся литературным языком, хотя “на церковнославянском языке в принципе не разговаривали, он не мог служить средством разговорного общения” (Успенский 1985: 3).

По отношению к удмуртскому письменно-литературному языку также можно говорить о его дореволюционном этапе с немалым количеством письменных памятников. Характер направленности их также не должен ставить вопрос о существовании литературного языка. Исследователь древнерусской литературы В. В. Кусков (1977: 6) отмечает, что из 708 пергаментов подавляющее большинство дошедших до нас произведений древнерусской письменности носит преимущественно церковный характер, только 20 из них нецерковного содержания.

Каждый памятник удмуртской письменности имеет в своем языке определенную нормированность. Язык переводных памятников-текстов отличается искусственностью, что не даёт основания приравнивать его к какому-нибудь территориальному диалекту, а делает возможным образование наддиалектного языка – койне (см. Каракулов 1987а; 1991: 118–120).

В удмуртской литературе II половины XIX века уже встречаются отрывочные филологические сведения об удмуртском языке, в частности, разъяснения принципов графики, принятых в том или ином издании (см. Гаврилов 1880: 187; Чин исповедования 1897: IV–VII; Михеев: 1907: 67–78 и т. д.). Конечно, это ещё не практические пособия по нормированию удмуртского языка. Но “если утверждать, что под литературной нормой нужно понимать лишь такое состояние языка, когда происходящие в нём процессы регулируются сознательно, что выражается в кодификации, тогда нужно признать, – отмечает Ф. П. Филин (1981: 235–236), – что церковнославянский язык XI–XIV вв. тоже был литературно необработанным, ненормализованным, что, конечно, было бы неверно”.

О формировании удмуртского письменно-литературного языка в дооктябрьский период говорит и тот факт, что со времён первой русской революции начинают складываться “все основные жанры национальной литературы (кроме романа): стихотворение, баллада, поэма, рассказ, очерк, повесть, басня, публицистика” (Уваров 1982: 13). “...Если мы признаем существование в донациональное время письменно оформленных литератур (художественных, деловых, религиозных и иных произведений), язык которых не тождественен необработанной обиходно-бытовой речи, мы должны признать и наличие особых средств выражения – литературных языков” (Филин 1974: 138–139).

Установление нами границ временных периодов развития удмуртского литературного языка носит условный характер. Эта предлагаемая периодизация приурочена, в первую очередь, к внеязыковым историческим фактам. Восстановление полной картины формирования удмуртского литературного языка требует дальнейшего его изучения и подразделения на собственно языковых критериях на более короткие периоды.

К середине XIX века заканчивается важный и длительный этап формирования удмуртского литературного языка. Уже в середине XVIII века рождаются первые элементы литературного языка: возникает удмуртская письменность, получает определённый статус графика, устанавливаются элементы орфографии, складывается наддиалектный язык. Приспособление буквенно-звуковой системы русского письма к особенностям удмуртского языка, а не механическое её заимствование, начинается в “Собраниях речей вотяц-

кого языка” Г. Ф. Миллера, где удмуртский материал, представляющий различные диалекты, транслитерирован из ранее написанного им словаря на основе немецкой графики. Эти материалы на кириллице были опубликованы в 1756 и 1791 годах (Миллер 1756; 1791). В других, позднее изданных памятниках, наблюдается лишь развитие удмуртской графики и орфографии, их усовершенствование.

Наддиалектность, искусственность языка – приспособленность удмуртского языка к высокой лексике, к александрийскому слогу замечается в первых связных текстах – удмуртских стихотворениях, посвящённых торжественным моментам присутствия Екатерины II в загородном доме (1767) и открытия Казанского наместничества (1781) (Уваров 1982: 6–7; Шкляев 1993: 43).

Диалектно неоднородный материал представлен и в “Сочинениях, принадлежащих к грамматике вотского языка” (1775), с моментом появления которых ученые связывают начало создания основ удмуртского языкознания. Особенности составления этой грамматики, её графика, орфография сохраняются в более новых памятниках – удмуртских грамматиках и словарях (Каракулов 1991: 116–117).

В начале XIX века с целью привития христианства в среде удмуртов царское правительство и синод обращаются к возможностям удмуртского языка. В этот период открывается клерикальная страница в истории удмуртской литературы. Нам известны переводы молитвы “Отче наш”, сделанные и написанные на кириллице Егором Сатрапинским, а также опубликованные на латинской графике в 1806 г. (Тепляшина 1965: 229–233), переводы текстов четвероевангелия, сделанные в 1824 году и опубликованные в 1847 году под названиями “Господа нашего Иисуса Христа Евангелия от св. евангелистов Матфея и Марка на русском и вотякском языках, Глазовскаго наречия”, а переводы евангелий от Луки и Иоанна остались в рукописи. Именно проблема перевода иноязычного текста евангелий, исправления в процессе проверки понятности перевода представителями различных диалектов привели к созданию удмуртского литературного языка. В этот период установка синода требовала соблюдения точности текста подлинника, поэтому переводчики максимально сохраняли конструкции и даже орфографические особенности языка оригинала.

Обозначение языка текстов в диалектном плане в названиях изданных памятников носит чисто условный характер, язык публикаций следует рассматривать как койне, возникший в результате концентрации языкового материала различных диалектов, искусственного ограничения узкорегionalных форм и использования языковых конструкций, лексического материала оригиналов. Для примера сравним переводы евангелия от Матфея (гл. 19: 24), адресованные удмуртам, говорящим на глазовском и сарапульском наречиях:

“И еще скажу вамъ: удобнее верблюду сквозь игольные уши пройти, нежели войти въ царствие небесное”.

На глазовском наречии:

Нош-но верало тиледълы: умойгемъ (вельбудъ-лы) дуэлы вень пель пырти потыны, макэмъ узырьлы Инмарь-лэнь дуньяе пырыны.

На сарапульском наречии:

Нош-но верало тиледлы: умойгэмъ вельбудъ-лы (Глаз. дуе-ль) вень пель пырти потыны, макэмъ байлы Инмарь-лэнь дуньяе пырыны.

Также две азбуки, опубликованные в 1847 году в Казани с пометой “по глазовскому” и “по сарапульскому”, не составляют исключений. Кроме перевода “Начатков...”, глазовский вариант которых отличается введением русских слов и конструкций, остальные разделы азбук со всеми диалектными примерами совпадают: грамматическая часть (“О спряжении глаголов”) перенесена из азбуки на сарапульском диалекте в азбуку на глазовском диалекте, а раздел, включающий буквы, лексику для ознакомления с двусложными и трехсложными словами, — наоборот.

Расширение опыта перевода удмуртских текстов по системе Н. И. Ильминского, привлечение к этому делу самих удмуртов, приближение языка памятников к народно-разговорному языку, увеличение количества изданий на удмуртском языке замечается в процессе творческой деятельности переводческой комиссии при братстве св. Гурия (Каракулов 1987б: 185–190).

И если в истории некоторых близкородственных литературных языков, в частности, в истории формирования эрзя-мордовского литературного языка, языковые нормы до революции разрабатываются на разных диалектных основах, существует несколько

графических систем (см. Адушкина 1971: 5), то в языке удмуртских письменных памятников дооктябрьского периода, учитывая особенности различных диалектов, чаще даются различные диалектные параллели, усовершенствуется единая графика. Хотя в изданиях Б. Гаврилова в обозначении удмуртских звуков имеются отличия от принятых графических систем других изданий (в частности “Сочинений...” (1775), “Лыдзонь” Н. Н. Блинова (1867)), графическая система Б. Гаврилова не вела к письменному обособлению казанского диалекта от других, а скорее к их консолидации. Так, например, букву *j* в начале слова вятские удмурты должны были воспроизводить как *й-*, а казанские — как *дь-*, для чего можно было использовать одинаковый текст.

Следующий этап удмуртского письменно-литературного языка (конец XIX в. — 20-е годы XX в.) отличается заметным пополнением изданиями различного характера (эпистолярными, учебными, светскими и т. д.). В этот период печатаются фольклорные тексты, вотские календари, в последних берет начало газетно-публицистический стиль. К 1906 году в форме листовок зарождается политическая литература (Павлов 1985: 14–15).

С 1915 года начинает издаваться на удмуртском языке первая газета для удмуртов “Войнаысь ивор” (“Вести с войны”); с 15 августа 1917 года до 17 мая 1918 года она же выходит под названием “Удморт”, в номерах которого было “решено помещать материалы на разных наречиях удмуртов” (ЦГА УАССР, ф. 1072, оп. 1, ед. хр. 1, л. 21). В 1918 и в последующие годы некоторое время существовали газеты “Виль синь” (“Новое око”), “Кам тулкым” (“Камская волна”), “Горд салдат” (“Красный воин”), “Югыт сюрес” (“Светлый путь”) и т. д. 31 октября 1918 года родилась газета “Гудыри” (“Гром”), сыгравшая в послеоктябрьский период важную роль в развитии удмуртского литературного языка.

К 1889 году относится появление первого оригинального удмуртского стихотворения “Чагыр, чагыр дыдыке” (“Сизый, сизый голубочек”), автор которого Г. Е. Верещагин с учётом письменных традиций всех диалектов выступил с рекомендацией об унификации удмуртского письма (Верещагин 1895). Поэтому язык его первого стихотворения мало отличается от современного литературного (Поздеев 1967: 43).

В годы первой русской революции на удмуртском языке начинают распространяться стихи и песни социального характера. К Октябрьской революции на удмуртском языке стали известны переводы песен А. Ф. Мерзлякова “Среди долины ровныя” (пер. Г. Е. Верещагин), А. Кольцова “Раздумья селянина” (пер. Михаил Прокопьев), К. Ж. Руже де Лилия “Марсельеза” (пер. Илларион Шкляев), Эжена Потье “Интернационал” (пер. Максим Прокопьев), народной песни “Если бы счастье моё было вольным орлом” (пер. К. Чайников).

К этому же периоду относятся переводы произведений Н. Некрасова, А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, А. Кольцова и других классиков русской литературы. На традициях родного фольклора М. Можгин написал балладу “Беглой” (“Беглый”), Г. Е. Верещагин – сказку-поэму “Батыр дйсь” (“Богатырская одежда”) и т. д.

В 1924 году впервые были опубликованы “Основные правила вотского правописания”, разработанные И. В. Яковлевым на кружковых занятиях с вотской группой на казанских курсах. Эти правила были составлены в качестве унифицированного справочника для редакторов, литературных работников, корреспондентов и учителей. В тех же целях создания единообразия в удмуртском письме в 1924 году в качестве описательной грамматики было издано “Руководство к изучению вотского языка” Г. Е. Верещагина (псевдоним “Удморт”). Дальнейшее развитие удмуртского правописания основывается на этих исследованиях.

Итак, начальный этап развития удмуртского литературного языка охватывает периоды:

- 1) от середины XVIII в. до середины XIX в.;
- 2) от середины XIX в. до конца XIX в.;
- 3) с конца XIX в. до 20-х годов XX в.

С данной классификацией начального периода формирования удмуртского литературного языка совпадает классификация этапов развития удмуртской литературы, представленная литературоведом А. Г. Красильниковым (1989).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Адушкина Н. С. Формирование эрзя-мордовского литературного языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1971. 20 с.

Вахрушев В. М. Предисловие // 200 лет удмуртской письменности. Ижевск, 1976а. С. 3–4.

Вахрушев В. М. Формирование и развитие удмуртского литературного языка // 200 лет удмуртской письменности. Ижевск, 1976б. С. 37–44.

Верацагин Г. О книгах на вотском языке. Вятка, 1895. 21 с.

Гаврилов Б. Произведения народной словесности, обряды и поверья вотяков Казанской и Вятской губерний. Казань, 1880. 187 с.

Каракулов Б. И. О диалектных особенностях памятников удмуртской письменности XIX века // Пермистика: Вопросы диалектологии и истории пермских языков: Сб. статей. Ижевск, 1987а. С. 103–107.

Каракулов Б. И. Принципы изучения ранних текстов (на материале удмуртского языка) // Типы коммуникации и содержательный аспект языка: Сб. научных трудов. М., 1987б. С. 184–191.

Каракулов Б. И. К истории создания письменных памятников марийского и удмуртского языка // Дюктябрьские истоки межкультурной общности Урало-Поволжья: Сб. статей. Ижевск, 1991. С. 115–123.

Каракулов Б. И. К проблеме изучения памятников удмуртской письменности дюктябрьского периода // Всероссийская научная конференция. Духовная культура: Проблемы и тенденции развития: Тез. докл. / Сыктывкарский гос. ун-т. Сыктывкар, 1994. Филология II: Русская литература. С. 10–12.

Конюхова А. В., Яшина Р. И. Удмурт кыл. 6–8 классъёслы. Ижевск, 1977. 200 с.

Красильников А. Г. Новые мифы эпохи перестройки? // Удмуртский университет. 1989. 9 июня.

Кусков В. В. История древнерусской литературы. М.: Выс. школа, 1977. 247 с.

Лыткин В. И. Основные процессы в формировании и развитии финно-угорских и самодийских языков в советскую эпоху // Закономерности развития литературных языков в советскую эпоху. Основные процессы внутривидового развития тюркских, финно-угорских и монгольских языков. М.: Наука, 1969. С. 139–167.

Миллер Г. Ф. Описание трёх языческих народов в Казанской губернии, а именно: черемисов, чувашей и вотяков // Ежемесячные

сочинения к пользе и увеселению служащих. СПб.: Изд-во Импер. АН, 1756. Июль. С. 33–64; Авг. С. 119–145.

Миллер Г. Ф. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков. СПб.: Изд-во Импер. АН, 1791. 101 с.

Михеев И. С. Первая книга для чтения на вотском языке. Казань, 1907. 80 с.

Павлов Н. Выль даурлэн кутсконаз // Молот. 1985. № 11. С. 13–15.

Поздеев П. Дышетйсь, этнограф, кылбурчи // Молот. 1967. № 12. С. 41–43.

Тепляшина Т. И. Памятники удмуртской письменности XVIII века (Вып. 1). М.: Изд-во АН СССР, 1965. 324 с.

Уваров А. Н. К вопросу о становлении жанров удмуртской литературы дооктябрьского периода // Об истоках удмуртской литературы: Сб. статей. Ижевск, 1982. С. 5–51.

Успенский Б. А. Из истории русского литературного языка XVIII – начала XIX века. М.: Изд-во МГУ, 1985. 214 с.

Филин Ф. П. Литературный язык как историческая категория // Всесоюз. науч. конф. по теоретическим вопросам языкознания (11–16 ноября 1974 года): Тез. докл. и сообщ. пленарных заседаний. М., 1974. С. 138–139.

Филин Ф. П. Истоки и судьбы русского литературного языка. М.: Наука, 1981. 326 с.

Чин исповедания 1897 – Чин исповедания и како причащати больнаго. На вотском языке. Казань, 1897. 61 с.

Шкляев А. Г. К вопросу о влиянии книжных жанров на развитие удмуртского литературного языка (первые письменные памятники) // Проблемы развития литературных языков финно-угорских народов (7–8 апреля 1993 г.): Тез. докл. Всерос. науч. конф. Ижевск, 1993. С. 43.